

С. Г. КАРА-МУРЗА
профессор,
главный научный сотрудник
ИСПИ РАН*

Гипостазирование.
Учебный пример:
отчуждение

Одним из следствий, а теперь и факторов углубления российского кризиса является деградация рациональной компоненты общественного сознания. Поскольку ее самопроизвольного восстановления не происходит, требуется реконструкция «истории болезни». Надо обнаружить и распознать те «вирусы», которые были внедрены в программы рационального мышления. Как уже не раз отмечалось, одним из таких «вирусов» стала в конце 80-х гг. программа *гипостазирования*¹.

Непосредственной целью этой операции была дискредитация советского строя, но, видимо, неверно рассчитали дозу введенного препарата, и поражение сознания приобрело характер цепного процесса. Агентом, который создавал эти «вирусы» и делал их инъекции, была авторитетная часть специалистов в гуманитарных и социальных науках.

Рассмотрим в качестве учебной задачи гипостазирование понятия «*отчуждение*». В деформации мышления советской интеллигенции оно сыграло важную роль. Один гуманитарий с удивлением писал в 1992 г.: «Начиная с горбачевского призыва строить социализм «с человеческим лицом», «отчуждение» стало входить в отечественный

* Кара-Мурза Сергей Георгиевич, e-mail: skaramur@rambler.ru

¹ Как сказано в словаре, «*гипостазирование* (греч. *hypostasis* - сущность, субстанция) - присущее идеализму приписывание абстрактным понятиям самостоятельного существования. В другом смысле - возведение в ранг самостоятельно существующего объекта (субстанции) того, что в действительности является лишь свойством, отношением чего-либо».

лексикон борьбы за лучшую советскую жизнь. Громом среди ясного неба прозвучали возгласы покончить с отчуждением, порожденным казарменным, тоталитарно-бюрократическим социализмом... Появились статьи, брошюры, в которых с усердием, с обилием цитат разъяснялось, что бюрократия – враг народа, а разгадка ее тайны – в отчуждении власти от простых людей, от народа, что общественная собственность – ничейная, собственность без хозяина, т.е. не принадлежит народу. Были и научные дискуссии, и постоянные семинары, даже провели конкурс на лучшую работу по проблеме отчуждения, а победители получили премии. Короче, колесо попало в наезженную колею – интеллектуалы засучили рукава, философы – в первую очередь.

Оказывается, десятилетиями мы копили деформации и вот столкнулись лицом к лицу с отчуждением, когда, как оказалось, созданное усилиями поколений общественное здание вовсе не «наш» дом, а тюрьма, задавившая инициативу, творчество, семью, нацию, гражданскую жизнь, наконец, свободу человека. Обязательно нужно преодолеть отчуждение – перестроить здание, избавить его от последствий дегуманизации, деперсонализации. Много нужно преодолеть – отчуждение людей от труда, от продукта труда, от власти, от управления, от культуры, духовности, друг от друга»¹.

Представление отчуждения как таинственной сущности (и даже субстанции), объясняющей природу советского строя, видимо, опирается на раннего Маркса, который выводил из этой сущности свою концепцию грубого (уравнительного, «казарменного») коммунизма. Возможно также, что использовать это понятие для подрыва легитимности СССР начал Троцкий.

В статье «Троцкий» в Новейшем философском словаре «Академик» сказано: «Осуществленный Т. анализ ряда существенных

¹ Малышев А.В. В мире фантомов // СОЦИС, 1992, № 12.

тенденций в эволюции советского общества ... предвосхитил появление достаточно заметной обновленческой традиции в идеологии социалистического и коммунистического толка. Проблема отчуждения людей при социализме от продуктов собственного труда и от политической власти была не только легитимизирована для международной радикальной интеллигенции левой ориентации, но и приобрела статус атрибутивно сопряженной с процедурами социально-философского и социологического планирования последствий революционно-утопических экспериментов»¹.

Во всяком случае, сам Горбачев, нагнетая ненависть к советскому государству, использовал старый троцкистский тезис об «отчуждении» советского работника от собственности: «Массы народа, отчужденные от собственности, от власти, от самостоятельности и творчества, превращались в пассивных исполнителей приказов сверху. Эти приказы могли носить разный характер: план, решение совета, указание райкома и так далее – это не меняет сути дела. Все определялось сверху, а человеку отводилась роль пассивного винтика в этой страшной машине»².

Это – грубое гипостазирование, имеющее целью подавить разум человека потоком слов. Почему же люди, имевшие рабочее место на государственном предприятии, становились вследствие этого «отчужденными от самостоятельности и творчества»? Это просто глупость, кирпичик целого фантастического здания, выстроенного на ложных основаниях.

Прежде чем перейти к исходным рассуждениям Маркса, обратимся к здравому смыслу и вникнем в буквальное значение слова *отчуждение*. В русском толковом словаре слово *отчуждение* означает *отделение, удаление, разрыв, отбирание*. В этом же смысле оно

¹ http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_new_philosophy/1253/.

² Горбачев М. Декабрь-91. Моя позиция. М., 1992.

перешло из латыни (*alienatio*) в европейские языки, правда, с добавлением значения *беспамятство, психическое расстройство*. Не вдаваясь в психиатрию, заметим, что явление отделения и удаления – необходимая часть бытия и в неживой, и в живой природе, а тем более в обществе.

Само слово *особь* указывает на тот факт, что на определенной стадии эволюции живые организмы существуют в состоянии отчуждения от себе подобных. Биологическое отчуждение неизбежно сопровождается и *социальным*. Даже рой пчел или колония муравьев нуждаются в развитых системах коммуникации, чтобы особи могли собраться в общество. В человеческих общностях типы и механизмы социального отчуждения менялись в ходе развития, но без него невозможно было помыслить никакое общество. Например, Новое время на Западе ознаменовалось самоосознанием человека как *индивида* – атома, неделимой частицы. Это – радикальное отчуждение, которому Вебер посвятил свой главный труд.

Еще в 60-е гг., когда проблему отчуждения пытались поставить в повестку дня «шестидесятники», И. Кон предупреждал: «Уже в «Экономическо-философских рукописях 1844 г.» и в позднейших работах Маркс связывает возникновение отчуждения с частной собственностью и антагонистическим разделением труда. Почему получается, что общественные силы людей становятся господствующими над ними? – спрашивает Маркс. И отвечает: причина этого – разделение труда... Разделение труда, дающее людям возможность проявить и развить свои индивидуальные способности, было предпосылкой становления индивидуальности и культуры... Таким образом, отчуждение – это объективное историческое явление,

и третье значение понятия (отчужденность как психологический феномен) – лишь выражение этого основного факта»¹.

А когда во время перестройки начал нарастать поток откровений о том, что и советское общество основано на отчуждении, было несколько слабых голосов, которые пытались воззвать к здравому смыслу. Культурологи, например, писали: «Каждый конкретный этап человеческой истории имеет свою форму социально-экономического и духовного отчуждения. Особая форма отчуждения культуры присуща и социализму. Мы исходим из того, что отчуждение при социализме так же естественно, как и при капитализме, и, впрочем, при первобытнообщинном строе. Это не аномалия, а нормальный, естественный процесс, свойственный развитию каждого общества, и охватывает он не только сферу экономики, но и сферу духовности, культуры»².

На эти голоса внимания не обратили, да они и были слишком неуверенными. Действовала тяжелая артиллерия. Академик Т.И. Заславская в марте 1990 г. представила в АН СССР доклад с очень жесткими установками. Она заявила: «Возникает вопрос, какой тип общества был действительно создан в СССР, как он соотносится с марксистской теорией? Политически советское общество было и остается тоталитарным. Социально советское общество резко поляризовано. Полюса его социальной структуры образуют высший и низший классы, разделенные социальной прослойкой...

Нижний полюс советского общества образует класс наемных работников государства, охватывающий рабочих, колхозников и массовые группы интеллигенции. Границы этого класса в значительной степени совпадают с часто используемым газетным клише «трудящиеся». С моей точки зрения, «трудящиеся» составляют единый

¹ Кон И. Личность и общество (Возвращаясь к проблеме отчуждения) // «Иностранная литература», 1966, № 5. (http://scepsis.ru/library/id_1113.html).

² Орлов В.Н., Карпухин О.И. Культура и отчуждение // СОЦИС, 1990, № 8.

класс, отличительными особенностями которого служат практическое отсутствие собственности и крайняя ограниченность социально-политических прав. Положение этого класса характеризуется скученностью в коммунальных квартирах или собственных домах без удобств, низкими доходами, ограниченной структурой потребления, неблагоприятными экологическими условиями жизнедеятельности, низким уровнем медицинского обслуживания и социальной защиты... Сотни миллионов обездоленных, полностью зависимых от государства представителей этого класса пролетаризированы, десятки миллионов – люмпенизированы, т.е. отчуждены не только от средств производства, но и от собственной истории, культуры, национальных и общечеловеческих ценностей...

Главное социальное отношение советского общества на протяжении десятилетий заключалось в экономической эксплуатации и политическом подавлении трудящихся партийно-государственной номенклатурой. Возникшее в начале 30-х годов и резко углубившееся к 80-м социальное противостояние этих классов носило и носит антагонистический характер...

Единственно разумной политикой является последовательный демонтаж тоталитарной государственно-монополитической системы в целях ее замены более эффективной системой «социального капитализма», сочетающего частную собственность с демократической формой политического правления и надежными социальными гарантиями для трудящихся... Такое развитие советского общества надо рассматривать как переход от самого негуманного и антисоциалистического капитализма в мире к значительно более цивилизованному, гуманному и «социализированному» капитализму»¹.

Этот доклад – целая хрестоматия гипостазирования. Здесь и образ советского общества: «трудящиеся – единый класс с практическим

¹ Заславская Т.И. Социализм, перестройка и общественное мнение // СОЦИС, 1991, № 8.

отсутствием собственности и крайне ограниченный в социальных правах», и его «скученность в коммунальных квартирах» (в 1989 г. в РСФСР в коммунальных квартирах проживали 6,1% семей), и его «низкий уровень социальной защиты». Это и «десятки миллионов люмпенов, которые отчуждены не только от средств производства, но и от собственной истории, культуры, национальных и общечеловеческих ценностей». Это и «антагонистический класс партийно-государственной номенклатуры, эксплуатирующий трудящихся», и светлый образ «цивилизованного, гуманного и «социализированного» капитализма», который вот-вот придет на смену советскому строю.

Академику вторят другие видные социологи – ныне профессор ГУ ВШЭ О.И. Шкаратан и первый проректор ГУ ВШЭ, зав. кафедрой экономической социологии, профессор В.В. Радаев: «Обычный советский человек, вплоть до университетского профессора, десятилетиями жил в мире мифов и легенд, начало которым положил великий мистификатор Сталин... Повседневные реальности: коммунальные квартиры, плохая, фальсифицированная пища, врачи, не умеющие лечить, чиновники, которым нужно дать взятку... Где-то там далеко писались книги советологов, в которых было немало правды. Да и в стране находились еретики, расположенные на двух полюсах общественной лестницы. С одной стороны, некоторые работники ЦК КПСС, а с другой – высоколобые диссиденты, черпавшие непонятными путями информацию об обществе, их окружавшем. Но до прорыва, совершенного М. Горбачевым, ... в стране не было еще той критической массы интеллигентизма, которая необходима для решения судеб страны!»¹.

Тут объектом гипостазирования стал и сам Горбачев с его «критической массой интеллигентизма». Какие призраки и демоны

¹ Радаев В.В., Шкаратан О.И. Власть и собственность // СОЦИС, 1991, № 1.

заполняли разум социологов перестройки! Вот уж, действительно, *alienatio*.

В отчуждении видит причину краха советской системы и А.И. Фурсов – историк-марксист, известный как противник Горбачева и неолиберальной реформы. Уже сегодня, после опыта двух десятилетий, он пишет об отчуждении в СССР «материальных и социально-духовных факторов», существенно расширяя перечень объектов отчуждения:

«Отношения по поводу социальных факторов производства – это отношения по поводу социальных же процессов, опосредующих отношение человека к веществу и информации. Если именно социальные факторы отчуждаются в качестве главных, то это означает, что именно они суть системообразующий объект отчуждения, а следовательно, системы производства в целом. Присвоить социальные факторы производства значит лишить группы индивидов возможности по своей воле и в своих непосредственных интересах создавать коллективные формы (организации), устанавливать социальные отношения и т.п., короче, распоряжаться своей способностью («социальной силой») выступать в качестве субъекта. Речь, таким образом, идет о контроле над сферой «субъект–субъект», о ее отчуждении.

Духовные факторы производства суть идеи (представления, верования), образы, символы, ценности, посредством которых человек соотносит себя с материальным и социальным миром (т.е. с веществом и энергией). Духовные факторы производства – это то, во что верят люди, ценности, которыми они руководствуются в социальном поведении и материальном производстве и, самое главное, цели и смыслы, определяющие их поведение... Контроль над этой сферой, ее отчуждение означает лишение групп и индивидов возможности самостоятельно определять ценности и цели своего

существования. Отчуждение в некоем социуме двуединой сферы «субъект – субъект» – «субъект – дух» в качестве главной (а следовательно – системообразующей производственной) означает, что антагонистические отношения производства (распределение факторов производства) складываются в данном социуме по поводу человеческой способности (силы) формировать коллективы, цели и ценности, а не по поводу вещественных факторов производства (отношения «субъект – предмет»)¹.

Попробуйте распутать эти хитросплетения! Реальность, о которой можно рассуждать в общедоступных понятиях, заменяется клубком оригинальных сущностей, рожденных воображением. Социум двуединой сферы «субъект – субъект» – «субъект – дух», антагонистические отношения производства... Что это такое, зачем? Почему контроль над какой-то сферой называют отчуждением, которое «лишает индивидов возможности самостоятельно определять ценности и цели своего существования»? Разве возможно существование общества без всяких норм (контроля)? Уже кроманьонцы в своих пещерах взяли и наложили табу на инцест – не дали индивидам возможности самостоятельно определять ценности сексуальной жизни. Как историк-марксист представляет себе диктатуру пролетариата без контроля над «образами, символами, ценностями, посредством которых человек соотносит себя с материальным и социальным миром»?

Как же в СССР удалось устроить такое отчуждение, что страна моя родная превратилась в «империю зла»? А.И. Фурсов пишет:

«В соответствии с Уставом КПСС партия выступает как ядро (т.е. организующий и направляющий центр) всех без исключения общественных (будь то «государственные» или «хозяйственные»)

¹ Фурсов А.И. Теоретико-методологические проблемы развития системы исторического коммунизма // Знание. Понимание. Умение. 2010, № 1 (<http://zpu-journal.ru/e-zpu/2010/1/Fursov/>).

организаций... А поскольку она – ядро «государственной» организации, то именно она разрешает все остальное... – процесс создания и функционирования других коллективных форм. Это и есть отчуждение социальных факторов производства.

Но это, естественно, не все. Поскольку официальной социальной целью развития объявлялось построение коммунизма под руководством КПСС и на основе марксизма-ленинизма, то обязательное принятие ...населением последнего в качестве комплекса идей и ценностей, необходимого, обязательного для функционирования в качестве элементов данной системы означает не что иное как отчуждение духовных факторов производства. Само наличие суперорганизации, сверхколлектива становится процессом, целью и средством отчуждения духовного комплекса, т.е. общества в целом»¹.

И эту схоластику нам предлагают как «теоретико-методологический анализ системы исторического коммунизма»! Ну, назови КПСС суперорганизацией, как из этого следует, что ее «наличие становится целью отчуждения духовного комплекса, т.е. общества в целом»? Ведь это бессмыслица. А из нее делается вывод о самой сущности советского строя, якобы «основанного» на отчуждении!

А.И. Фурсов пишет: «В чём заключаются главные противоречия системы, основанной на отчуждении социальных и духовных факторов производства, системы исторического коммунизма (ИК)? ... Первое базовое противоречие ИК заключается в следующем... Организации отчуждения социальных и духовных факторов производства – главные в обществе ИК, они воплощают коллективное бытие, целостные аспекты и сферу целеполагания господствующих групп – и общества в целом.

¹ Фурсов А.И. Указ. соч.

В то время как присвоение этих последних в ИК носит коллективный характер, присвоение вещественных факторов, экономического продукта носит индивидуальный характер. Объём этого присвоения-потребления зависит от ранга, занимаемого во властной (кратократической) иерархии... Подчеркну, что единственный способ присвоения господствующими группами вещественных факторов производства, экономического продукта в обществах ИК есть потребление... В то же время, каждый человек есть человек, и каждый отдельный кратократ с чадами и домочадцами хотел потреблять больше, чем положено по рангу. Рано или поздно это приводило к противоречию между этим стремлением и наличным рангом... После смерти Сталина ... номенклатура стала выходить за рамки иерархически приписанного потребления, обменивая «кусочки» власти (связи, протекция и т.п.) на дополнительный и неположенный по рангу объём материального потребления (иногда это ошибочно называют коррупцией)...

Второе базовое противоречие ИК обусловлено спецификой коммунистической власти... Она – социально недифференцированная, однородная (гомогенная) социальная власть. Развиваться путём дифференциации она не может. Её тип развития – сегментация, как у одноклеточных. При подобного рода сегментации-дроблении каждая «молекула» власти обладает полным набором её качеств, только в миниатюре. При прочих равных условиях в ситуации однокачественности различных ячеек в силу вступает логика количества, средних чисел, и в результате реальная власть имеет тенденцию к перемещению на средние уровни системы (ведомства, обкомы)»¹.

На этом остановимся, ибо плести эту паутину «противоречий» можно бесконечно. Наша тема – отчуждение. Обратимся к источнику,

¹ Фурсов А.И. Указ.соч.

из которого российские гуманитарии – от левых коммунистов до неолибералов – черпают идеи и вдохновение, чтобы превратить в пугало советскую реальность.

Философ (тогда ведущий научный сотрудник Института социологии АН СССР, а позже профессор социологического факультета МГУ) А.И. Кравченко опубликовал в 1990 г. большую статью «Мир наизнанку» – так он видел советское общество. Он начинает статью так:

«Безо всякого преувеличения категория «социальная превращенная форма» обладает столь же мощным эвристическим потенциалом, как, например, категория «идеальный тип», сформулированная и впервые широко апробированная в социологии Максом Вебером. Между тем, история распорядилась иначе: «идеальный тип», который до Вебера использовался Марксом, прочно вошел в арсенал социологической науки. Этого, к сожалению, нельзя сказать о «социальной превращенной форме». Видимо, причиной служит трудность понимания данной категории, окончательного разъяснения которой ее автор не оставил...

Обращает на себя внимание тот факт, что понятия «социальная превращенная форма» и «отчуждение» используются Марксом как рядоположенные, но не обязательно как синонимы. Их парное употребление свидетельствует скорее о том, что оба понятия стоят среди важнейших, принципиальных по своей значимости экономико-социологических категорий... Категория «превращенная форма» относится не только к числу самых важных, но и самых ранних в учении Маркса»¹.

Итак, все фантомы и сущности, о которых мы говорим, выводятся из категории, которая «относится к числу самых важных в учении Маркса». К сожалению, Маркс употребил термин, обозначающий эту категорию, «только один раз в жизни – во втором черновом варианте

¹ Кравченко А.И. «Мир наизнанку»: методология превращенной формы // СОЦИС, 1990, № 12.

«Капитала»...». Отсюда «трудность понимания данной категории, окончательного разъяснения которой ее автор не оставил».

Можно даже предположить, что и сам Маркс в этой категории не разобрался, потому и упомянул ее один раз в жизни. Но советские философы за нее уцепились, чтобы доказать необходимость ликвидации СССР. Мы же категорию «социальная превращенная форма» упомянули здесь потому, что Маркс использует ее как рядоположенную с «отчуждением» или даже как синоним (хотя и не обязательно).

А.И. Кравченко признает, что и советское обществоведение (на тот момент 163 тыс. научных работников) слабо разобралось с этой категорией. Он пишет: «В советской литературе одно из самых ранних – и до сих пор, пожалуй, самых обстоятельных – исследований превращенной формы принадлежит М. Мамардашвили. Согласно его предположению, подобная форма, являясь результатом искажения внутренних связей социальной системы, скрывает их фактический характер, подменяет видимыми, или косвенными. Искажённые связи обретают настолько прочную самостоятельность, что начинают вести себя как отдельное, качественно новое и самостоятельное образование. В этом и состоит проблема превращенной формы: искажённые связи (черты, свойства, качества) настолько очевидны, что их можно фиксировать эмпирическим путем, напротив, о скрытых за ними реальных чертах приходится только догадываться. Превращенная форма выступает своеобразной субстанцией, носителем этой видимости¹.

Итак, «превращенная форма есть своеобразная субстанция», т. е. продукт гипостазирования. Но какова познавательная ценность придания ей такого статуса? Если превращенная форма «является результатом искажения внутренних связей социальной системы», то

¹ Кравченко А.И. Указ.соч.

почему «искаженные связи очевидны, а о скрытых за ними реальных чертах приходится только догадываться»? Разве «искаженные связи» не стали именно реальными, а существовавшие до искажения бывшие реальные связи разве не превратились в воспоминание? В чем же иначе «результат искажения» как не в изменении реальности, пусть неприятном?

Допустим, работал человек инженером на заводе им. Орджоникидзе, но началась реформа и произошло «искажение внутренних связей социальной системы». В результате инженер стал челноком, а потом бомжем. Его превращенная форма как «результат искажения» – бомж? А «о реальных чертах [инженера?] приходится только догадываться»? Или, наоборот, превращенной формой была именно ипостась советского инженера, а его освобождение от тоталитаризма обнаружило его истинную сущность бомжа? Какого, однако, тумана напустили...

А.И. Кравченко далее цитирует М. Мамардашвили: «Особенность превращенной формы, отличающая ее от классического отношения формы и содержания, состоит в объективной устраненности здесь содержательных определений: форма проявления получает самостоятельное „сущностное“ значение, обособляется, и содержание заменяется в явлении иным отношением, которое сливается со свойствами материального носителя (субстрата) самой формы (например, в случаях символизма) и становится на место действительного отношения. Эта видимая форма действительных отношений, отличная от их внутренней связи, играет вместе с тем... роль самостоятельного механизма в управлении реальными процессами на поверхности системы... Прямое отображение содержания в форме здесь исключается».

Вряд ли кто-нибудь смог бы это пересказать, не сверяясь на каждом слове с текстом.

Своими словами мысли Маркса и Мамардашвили А.И. Кравченко излагает так: «Маркс описывает важнейшие признаки, отражающие суть явления и его теоретическую матрицу. Первый признак – замещение реальных отношений (между людьми или вещами) символическими (деньгами); второй – замещение явных отношений, которые эмпирически фиксируются либо переживаются, символическими, невидимыми, скрытыми; третий – доминирование символических и скрытых отношений; четвертый – отрыв такого рода иллюзорных (ненастоящих) отношений от нормальных (реальных) и превращение их в самостоятельную сущность, господствующую над людьми. Символические отношения, затаившиеся при нормальном ходе вещей на втором плане и вдруг выступившие на первый – это, по существу, абстрактные отношения. Нормальное отношение – это обмен товаров между людьми. Даже вторжение денег в качестве посредника еще не переворачивает первоначального отношения. По-
вот когда деньги, символизирующие стоимость (которая и есть абстрактное отношение), начинают подчинять себе обычные человеческие отношения, т. е. когда человек становится рабом денег, тогда и только тогда можно говорить о превращенной форме. В качестве посредника могут выступать не только деньги, но и, например, документы»¹.

Ничего себе, теоретическая матрица...

А.И. Кравченко делает многозначительное заявление: «Определение превращенной формы, данное Марксом в «Экономическо-философских рукописях 1844 года», важно для нас во многих отношениях. Оно завершает начатый ранее анализ, доводит его до логического конца, до совершенной ясности».

В поисках «логического конца и совершенной ясности» я несколько раз провел поиск слов «превращен» и «форма» в машиночитаемом

¹ Кравченко А.И. Указ.соч.

тексте «Экономическо-философских рукописей 1844 года», но словосочетания «превращенная форма» найти не удалось. Наверное, оно и вправду только один раз появилось в другом черновике. Ничего, зато половина рукописей посвящена рядоположенной сущности – отчуждению. А.И. Кравченко тоже признает, что это «похожие категории»: «В отчуждении какое-то качество человека, черта межиндивидуальных или общественных (коллективных) отношений отрывается от носителя (субъекта) этих качеств или черт и становится чем-то самостоятельным, а затем и господствующим над субъектом. Для Маркса было неважно, переживает как-то индивид состояние отчуждения или нет. Для него отчуждение – объективно существующее отношение коллективного бытия людей, независимое от их воли и сознания».

Тут, на мой взгляд, нет «совершенной ясности». А.И. Кравченко с уважением пишет о методологии Маркса: «Как правило, у Маркса не прослеживается одна-единственная трактовка проблемы, напротив, в его работах встречаются самые разные, едва ли не отрицающие друг друга оценки: отчуждение то разрастается у него до метафизического знака, под которым проходит развитие современной цивилизации, то сводится чуть ли не к технической операции, например, отделению (отчуждению) работников от управления. Нет единства у Маркса и в понимании превращенной формы. В одном случае она выражает результат технико-экономического по своей сути процесса обращения капитала, в другом разрастается до вселенских масштабов раздвоения мира. Маркс понимает превращение то как всецело позитивный процесс, то как однозначно негативный. Какой-то устоявшейся трактовки он не дал и, видимо, подобной цели не преследовал вовсе»¹. Почему же для Маркса неважно, «переживает как-то индивид состояние отчуждения или нет»? Представьте: жили себе люди,

¹ Кравченко А.И. Указ.соч.

радовались жизни, работали на родном заводе, никакого отчуждения не переживали. Явились философы с социологами и начали убеждать, что этот завод и эта работа – фикция, превращенная форма, отчуждение, и радоваться им может только тупое животное. Людям стало стыдно, и они отдали завод Абрамовичу, перестали рожать детей и спились. А если кто-то из них просил философов объяснить, что это за отчуждение такое и как они его узрели, то его заставляли выучить пару абзацев из Мамардашвили. Результат – волна суицидов.

А что, если не искать невидимые субстанции, о которых «приходится только догадываться», а принимать за реальность именно то, что мы можем наблюдать эмпирически? Иными словами, принимать за социальные отношения то, что люди «субъективно переживают». Не даст ли нам такой подход более достоверное знание? Возьмем родственное отчуждению явление – *неравенство*. Ведь социальный характер этому явлению придают именно субъективные переживания, представляющие собой исторически обусловленный продукт культуры.

Л.Г. Ионин пишет: «Неравенство людей является эмпирическим фактом... О социальном неравенстве можно говорить только тогда, когда важность различий людей по какому-то из... параметров закреплена институционально и сделана базисным принципом классификации. Несмотря на наличие *объективного* неравенства, ... *социальное* неравенство не возникает, пока оно не осознано и не интерпретировано как таковое.

Обратимся к *традиционному* обществу. Здесь социальное неравенство не выглядит и не является проблемой, ибо объективное неравенство в этих обществах воспринимается как часть *божественного порядка*. Принцип вертикальной классификации интерпретируется как частное проявление идеи мирового порядка – божественной иерархии, воплотившейся в иерархии сословий и каст.

Такая (или подобная) теория характерна для всех традиционных обществ, где бы они ни существовали, в частности же, она ярко проявилась в европейском средневековье.

Наиболее выразительные последствия социальная дифференциация имела в индийской кастовой системе, где объективно выражавшееся неравенство достигло максимума возможного. Но, парадоксальным образом, это неравенство не только не способствовало стремлению к социальному равенству, но даже затрудняло его: божественное происхождение неравенства затрудняло истолкование кастовой системы как выражения социального неравенства...

Переопределение ситуации произошло в XVIII веке с подъемом буржуазного класса. Вообще-то дело выглядело так, будто в этот период социальное неравенство было открыто, обнаружено, так сказать, *как реальность*, до того успешно скрывавшаяся от пытливого человеческого ума»¹.

Напрашивается аналогия: пока отчуждение не переживается индивидами, «пока оно не осознано и не интерпретировано как таковое», его не существует как *социального*. В советском обществе оно не таилось под маской превращенной формы, а было *изобретено* усилиями философов и социологов, которые прочитали о нем у Маркса, а как поняли – до сих пор неизвестно. Возможно, они вообще не заботились о смысле, а просто подыскивали идеологический инструмент для задуманной в 60-е гг. перестройки. Во всяком случае, они успешно налили яду в ухо задремавшему советскому человеку.

Обратимся к тем положениям Маркса, из которых сварили этот яд элитарные советские философы. Вот эти положения из «Экономическо-философских рукописей 1844 года»:

¹ Ионин Л.Г. Культура и социальная структура // СОЦИС, 1996, № 2.

«В чем же заключается отчуждение труда? Во-первых, в том, что труд является для рабочего чем-то внешним, не принадлежащим к его сущности; в том, что он в своем труде не утверждает себя, а отрицает, чувствует себя не счастливым, а несчастным, не развивает свободно свою физическую и духовную энергию, а изнуряет свою физическую природу и разрушает свои духовные силы. Поэтому рабочий только вне труда чувствует себя самым собой, а в процессе труда он чувствует себя оторванным от самого себя. У себя он тогда, когда он не работает; а когда он работает, он уже не у себя. В силу этого труд его не добровольный, а вынужденный; это – принудительный труд...

Отчужденность труда ясно сказывается в том, что, как только прекращается физическое или иное принуждение к труду, от труда бегут, как от чумы. Внешний труд, труд, в процессе которого человек себя отчуждает, есть принесение себя в жертву, самоистязание. И, наконец, внешний характер труда проявляется для рабочего в том, что этот труд принадлежит не ему, а другому, и сам он в процессе труда принадлежит не себе, а другому... Деятельность рабочего не есть его самодеятельность. Она принадлежит другому, она есть утрата рабочим самого себя.

В результате получается такое положение, что человек (рабочий) чувствует себя свободно действующим только при выполнении своих животных функций – при еде, питье, в половом акте, в лучшем случае еще расположась у себя в жилище, украшая себя и т. д., – а в своих человеческих функциях он чувствует себя только лишь животным. То, что присуще животному, становится уделом человека, а человеческое превращается в то, что присуще животному»¹.

Прошу прощения у товарищей марксистов, но все это мне кажется плодом воображения молодого Маркса. И эти фантазии он принимал за реальную сущность, а реального рабочего – хоть английского, хоть

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42, с.90-91.

русского – за «превращенную форму». Ну можно ли всерьез принимать утверждения, что когда рабочий, «расположась у себя в жилище», садится с семьей за стол или обнимает любимую («совершает половой акт»), он «выполняет свои животные функции»? Неужели советские философы и социологи действительно включили этот гениальный бред в свою когнитивную матрицу – или они просто были ландскнехтами идеологической войны против СССР?

Парадоксальны и политэкономические обоснования деградации рабочего, которую Маркс провидел под маской превращенных форм: «Согласно законам политической экономии, отчуждение рабочего в его предмете выражается в том, что чем больше рабочий производит, тем меньше он может потреблять; чем больше ценностей он создает, тем больше сам он обесценивается и лишается достоинства; чем лучше оформлен его продукт, тем более изуродован рабочий; чем культурнее созданная им вещь, тем более похож на варвара он сам; чем могущественнее труд, тем слабее рабочий; чем замысловатее выполняемая им работа, тем большему умственному опустошению и тем большему закабалению природой подвергается сам рабочий»¹.

Маркс подчеркивает, что отчуждение возникает не только в процессе производства, оно тотально, вплоть до *самоотчуждения*: «Мы рассмотрели акт отчуждения практической человеческой деятельности, труда, с двух сторон. Во-первых, отношение рабочего к продукту труда, как к предмету чуждому и над ним властвующему. Это отношение есть вместе с тем отношение к чувственному внешнему миру, к предметам природы, как к миру чуждому, ему враждебно противостоящему. Во-вторых, отношение труда к акту производства в самом процессе труда. Это отношение есть отношение рабочего к его собственной деятельности, как к чему-то чуждому, ему не принадлежащему. Деятельность выступает здесь как страдание, сила –

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 89.

как бессилие, зачатие – как оскотление, собственная физическая и духовная энергия рабочего, его личная жизнь (ибо что такое жизнь, если она не есть деятельность?) – как повернутая против него самого, от него не зависящая, ему не принадлежащая деятельность. Это есть самоотчуждение, тогда как выше речь шла об отчуждении вещи»¹.

Надо вспомнить и представление Маркса об истоках отчуждения. Он пишет: «*Разделение труда* есть экономическое выражение *общественного характера труда* в рамках отчуждения. Иначе говоря, так как *труд* есть лишь выражение человеческой деятельности в рамках отчуждения, проявление жизни как ее отчуждение, то и *разделение труда* есть не что иное, как *отчужденное* полагание человеческой деятельности в качестве *реальной родовой деятельности* или в качестве *деятельности человека как родового существа*»².

А когда же возникло, по Марксу, разделение труда, а за ним частная собственность и отчуждение? Читаем в «Немецкой идеологии»:

«...Развивается и разделение труда, которое вначале было лишь разделением труда в половом акте... Следовательно, дана и собственность, зародыш и первоначальная форма которой имеется уже в семье, где жена и дети – рабы мужчины. Рабство в семье – правда, еще очень примитивное и скрытое – есть первая собственность, которая, впрочем, уже и в этой форме вполне соответствует определению современных экономистов, согласно которому собственность есть распоряжение чужой рабочей силой. Впрочем, разделение труда и частная собственность, это – тождественные выражения»³.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 93.

² Там же, с. 137.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 43, с. 30,31.

Но ведь это – модернистская версия ветхозаветной идеи первородного греха! Как можно было в конце XX в. включать ее в методологическое основание рациональной социологии.

Как же видит Маркс светлое будущее, в котором будет устранено отчуждение? Он формулирует вывернутый наизнанку кальвинистский идеал индивида, который надеется быть причисленным к числу избранных: «Упразднение всякого отчуждения, т. е. возвращение человека из религии, семьи, государства и т. д. к своему человеческому, т. е. общественному бытию»¹.

Выходит, жить человеку в лоне семьи и государства (страны) – это отчуждение, превращенная форма, а «вернуться» к истинно человеческому бытию – значит сбросить эти оковы. А что значит «вернуться»? Когда раньше человек был таким свободным – без семьи, без религии? Только до грехопадения. Обо всем этом во время перестройки наши философы разумно умалчивали. Видимо, понимали, что даже самые восторженные демократы от них отшатнутся.

Посмотрим, как гипостазирование «отчуждения» применялось в подрыве легитимности советского строя. Вот уж, действительно, всесильное учение – самые туманные высказывания Маркса можно было трактовать совершенно произвольно, наши демократические гуманитарии и впрямь сумели сломать «механизмы торможения» в интеллектуальной сфере.

А.И. Кравченко даже дефицит представил как превращенную форму (видимо, он считает, что дефицит маскирует изобилие, о котором надо догадываться). Он пишет: «Трудовая деятельность человека, лишенная своей действительной общественной связи, выражаясь словами молодого Маркса, оказывается мукой, а «его собственное творение – чуждой ему силой, его богатство – его

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 117.

бедностью, сущностная связь, соединяющая его с другим человеком, – несущественной связью... его производство – производством его небытия, его власть над предметом оказывается властью предмета над ним...».

К примеру, постоянный дефицит товаров не только парализует социальную активность, создает напряженность в отношениях между людьми и открывает широкие каналы для спекуляции и хищений. Выражаясь языком социологической теории, товарный дефицит при социализме – это такое положение дел, когда производство общественного богатства становится производством общественного небытия»¹.

Как это понять, товарищи марксисты? Как и почему при социализме «производство общественного богатства [например, колбасы или колготок] становится производством общественного небытия»? Что это за «социологическая теория», на языке которой написаны подобные законы общественного развития?!

Смысл всех этих парадоксов – представить советскую производственную систему «производством общественного небытия», а богатство советского человека – его бедностью... Ну, внушили людям эти фантомы – и что видят? Витрины магазинов ломятся от «товарного изобилия», а веет общественным небытием. *За ночным окном – туман...*

В статье А.И. Кравченко после теоретического введения со ссылками на Маркса, Вебера и Мамардашвили следуют почти 20 страниц текста (по 1800 знаков) с перечнем дефектов советского бытия, якобы порожденных отчуждением.

Мы не можем перечислить плотно упакованные в 20 страниц описания ужасов отчуждения в СССР, остановимся на одном. Это – нарастающие жалобы демократической интеллигенции на то, что

¹ Кравченко А.И. Указ. соч.

рабочие в СССР слишком мало работают. Выходят после смены с завода, как огурчики – шутят, смеются. Да это «признак социального паралича – глубоко зашедший процесс отчуждения»! С 60-х гг. плакали над этим на кухнях, а при Горбачеве – на страницах журналов «Коммунист» и «СОЦИС».

А.И. Кравченко пишет: «Будучи реальными потребителями (ибо получают всамделишную зарплату), они не являются никакими реальными производителями. Но не будучи производителями материальной продукции, как они могут получать деньги в качестве рабочих? Символические работники выполняют символический труд, но получают несимволические деньги»¹.

Это уже и не гипостазирование, а что-то иное, в учебниках не описанное. И чтобы философ бросил такое обвинение рабочим – это прямо-таки новое мышление!

Никаких эмпирических признаков того, что СССР заполонили «символические работники», социолог не называет. Объем валовой продукции промышленности рос непрерывно по 1989 г. и в этот последний год советского хозяйства превысил уровень 1950 г. в 16,8 раза. Замечу, что промышленность производит именно *материальную продукцию*. За те же 40 лет число промышленных рабочих выросло в СССР в 2,63 раза. Значит, один рабочий в среднем стал производить материальных ценностей в 6,4 раза больше. Завод (и даже цех) – сложная система, вычленить вклад каждого рабочего в создание любого изделия невозможно, да такой нелепой задачи никто и не ставил. Почему же в головах советских социологов стал бродить этот странный призрак «дяди Васи, который ничего не производит, но получает всамделишную зарплату»? Ведь это – загадка нашей культуры. Мне кажется, просто дядя Вася им стал несимпатичен как антропологический тип. Ах, этот *homo sovieticus*!

¹ Кравченко А.И. Указ. соч.

В обоснование своего вывода А.И. Кравченко выдвигает целую концепцию: «Как известно, человеческий труд выступает, с одной стороны, как преобразование вещества природы по заранее составленному плану, а с другой – как затраты физических и умственных сил человека, напряжение тех органов, с помощью которых осуществляется трудовая деятельность. Можно ли представить себе такой труд, в котором присутствовала бы только одна его сторона, допустим, усилия затрачиваются, а никакого выпуска продукции не происходит?

Если судить с точки зрения здравого смысла, то, конечно, нет. Труд потому и называют производительным, что он добавляет нечто новое: новые автомобили, жилые здания, радиоприемники или инженерные разработки. Но представить себе затраты физических и умственных усилий, ничем не завершающиеся, как-то сложно. Тем не менее, такой «труд» существует и его можно назвать непроизводительным. Как и производительный, он имеет множество конкретных форм и разновидностей»¹.

Примечательно предупреждение, что эта концепция противоречит здравому смыслу. Казалось бы, нормы рациональности должны заставить автора выявить и разрешить это противоречие, примирить свою концепцию с реальностью. Но нет, вызов здравому смыслу в 1990 г. считался признаком элитарности.

«Нет ничего удивительного в том, что в одной плоскости социализма существуют реальные достижения (пусть весьма скромные) и явные извращения... Сюда же следует отнести отчуждение труда, которое якобы совсем не характерно для социализма, скрытую эксплуатацию труда со стороны государства, содержащего раздутый бюрократический аппарат именно на вычеты, изъятия прибавочной (и в значительной мере основной) СТОИМОСТИ

¹ Кравченко А.И. Указ. соч.

продукта труда рабочих. В том же ряду условий, порождающих превращенные формы, т. е. двойной мир ценностей, стоят и такие категории, как товарный характер рабочей силы и наемный труд, безработица и принудительный характер труда – и все это как реальные, а не мнимые «достижения» социализма»...

Другой показатель превращенной формы социальной организации – «работа с прохладцей», но не на индивидуальном, а на коллективном уровне... Рабочие, объединенные в бригаду, стремятся сделать не больше, а как можно меньше за день. С этой целью они приостанавливают работу еще до окончания смены. Нормальная же организация труда побуждает индивида давать максимум, а не минимум продукции»¹.

Это – умозрительная конструкция с нарушением меры. И люди, и коллективы переживают неудачи, моменты недомогания, даже болезни – лечатся, ищут новые формы. Так везде. Другое дело, что сильные мира сего решили уничтожить советский строй как тип жизнеустройства, и для этого надо было заполнить разум и чувства людей философской схоластикой.

Вдумайтесь в логику аргументов А.И. Кравченко: «Превращенной формой безработицы на полном основании надо считать дефицит рабочей силы... С конца 60-х и вплоть до наших дней происходит ... безудержное нарастание «пустых» рабочих мест. Уничтожив безработицу, ... социализм породил совсем иное явление – «превращенную безработицу в форме избытка рабочих мест»... Рабочей силы не хватает именно потому, что на большинстве предприятий раздутые штаты, а это, в свою очередь, вызвано недостаточной квалификацией их труда. Там, где на зарубежном предприятии трудятся двое, у нас – пятеро (официальный уровень

¹ Там же.

производительности труда в советской промышленности ниже американской в 2,5 раза)»¹.

Ну как можно *дефицит рабочей силы* назвать *формой безработицы*, причем «на полном основании»? Ведь в следующей строке сам автор пишет, что рабочей силы не хватает потому, что «там, где на зарубежном предприятии трудятся двое, у нас – пятеро». А это, в свою очередь, вызвано недостаточной квалификацией наших рабочих (точнее сказать, *отставанием в технологии*). Подумайте, можно ли компенсировать это отставание, просто уволив трех рабочих из пяти? Так, чтобы в США было два рабочих – и у нас два. Догнали США по производительности труда! Собственно, реформаторы так и поступили – выбросили из промышленности России половину рабочих и инженеров, продали станки на металлолом и накупили яхт. Теперь у нас нет превращенной формы безработицы, она стала истинной (глядишь, философы назовут ее *горней*).

А дальше рассуждения об отчуждении идут уже в стиле Кафки: «Зависимость от безличной рыночной стихии психологически переносится легче, чем зависимость от вполне реальной личности бюрократа, узурпировавшего право распоряжаться общественной собственностью. Если с превращенной формой оперируют как с реальной, это очевидный признак того, что она приобрела черты какой-то квазисубстанциональности – самостоятельной, хотя и ложной первоосновы вещей. Превращенная безработица увеличивалась как раз в те годы (60-е), когда в стране был пик экстенсивного развития экономики. Пустые рабочие места создавались путем строительства новых предприятий... Появление «мертвых душ» – не просто возникновение несуществующих людей, а как бы недееспособных»².

¹ Кравченко А.И. Указ. соч.

² Кравченко А.И. Указ.соч.

Пустые рабочие места, мертвые души, недееспособные люди, квазисубстанциональность... И это – о 60-70-х гг., когда было создано 80% промышленного потенциала страны, распродавая и проедаая который мы еще худо-бедно существуем.

С момента публикации той статьи прошло 20 лет. Думаю, А.И. Кравченко за эти годы пересмотрел многие свои положения – эйфория перестройки угасла, мы все получили важные уроки тяжелого кризиса. Я читал много других статей А.И. Кравченко и не хотел бы, чтобы нынешнее обсуждение его идей 1990 г. воспринималось как проявление личной неприязни. Но ведь невозможно критиковать идеи, не называя автора.

Конечно, было бы гораздо лучше, если бы видные идеологи перестройки сами подвергли рефлексии собственные заявления и объяснили читателям методологические установки, которые привели их к тем выводам. Но это у нас не принято, мы так и не знаем, как получилось, что влиятельная часть нашей гуманитарной элиты помогла толкнуть общество на тропу, которая привела общество к бедствию и массовым страданиям. Если же идеологи того поворота и сегодня считают те свои установки верными, результаты их рефлексии были бы вдвойне важными и интересными.

